

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Бормотова Л.В. Разумность сроков уголовного судопроизводства - частный случай неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад // Юридические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.9.71580 EDN: ANMVVT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71580

Разумность сроков уголовного судопроизводства - частный случай неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад**Бормотова Ладмила Валерьевна**

ORCID: 0000-0002-6003-2675

кандидат юридических наук

доцент; кафедра уголовно-процессуального права; Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия

197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5

[✉ ogulada@rambler.ru](mailto:ogulada@rambler.ru)[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.9.71580

EDN:

ANMVVT

Дата направления статьи в редакцию:

26-08-2024

Дата публикации:

13-09-2024

Аннотация: В рамках данного исследования предметом изучения стали отдельные знаковые исторические этапы становления и развития института сроков уголовного производства. Преследуется цель выявления национальной традиции регулирования сроков и механизмов ускорения уголовных процедур. Объектом изучения стали уголовно-процессуальные нормы разного периода времени развития законодательства в России, отечественная судебная практика и практика Европейского суда по правам человека в контексте решения вопроса о необходимости существования требования о разумности сроков уголовного судопроизводства в системе традиционных российских принципов. Исследование основано на общенаучных и частно-научных методах

познания, что позволило проанализировать источники по выбранной теме и синтезировать знание об эволюции сроков уголовного производства. Метод сравнительно-исторического правоведения позволил сформулировать вывод о приверженности законодательной традиции разделения принципов-идей и конкретных правил производства предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Сделан вывод, что требование о разумности сроков производства по уголовным делам в историческом контексте совершенно оправдано было адресовано органам предварительного расследования как правило о незамедлительной процессуальной деятельности. Изменение статуса этого правила на принцип существенным образом не изменило правоприменительную деятельность, но внесло дисбаланс в системный подход регулирования уголовно-процессуальных отношений. Меры по ускорению судебного рассмотрения, упомянутые в положениях ст. 6.1 УПК РФ и соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации имеют смешанную природу. Директивы председателя суда относительно мер по ускорению производства противоречат независимости судей и нарушают принцип законности. В связи с этим озвучено предложение об исключении данного требования из системы принципов с последующим дополнением общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства.

Ключевые слова:

исторические этапы, принципы, уголовное судопроизводство, предварительное расследование, правосудие, разумность сроков, ускорение, конвергенция, судебное рассмотрение, законодательство

Введение

Значение принципов уголовного судопроизводства - в их системном влиянии на построение уголовно-процессуальных отношений с момента начала уголовного преследования и до окончания исполнения приговора для всех участников производства по делу. Это идейные руководящие начала для осуществления процессуальных и следственных действий, принятия решений, процесса доказывания и применения мер принуждения. Система принципов уголовного процесса должна быть константой, инструментом непоколебимости формы, порядка производства. Однако с момента принятия в 2001 году Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), наблюдается совершенно иная история: массовые изменения и корректировки, договорные процедуры, конфиденциальные следственные действия и участники, сложные пути обжалования судебных решений, чуждые принципы построения процессуальной деятельности, - изменения ради «разрешения конкретного казуса» [\[1, с. 475\]](#). Что и произошло 30 апреля 2010 г. в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ) и с появлением надстроичного принципа над всей системой – «разумности сроков уголовного судопроизводства» (ст. 6.1 УПК РФ). Следует согласиться с мнением ученых, которые указывают, что отсутствие в нормах УПК РФ до 2010 года и в предыдущих Кодексах регламентации сроков уголовного судопроизводства в отдельном принципе не означало непризнание необходимости соблюдения сроков в процессе производства по уголовному делу [\[2, 3, 4, 5, 6, 7\]](#). И.В. Стуконог отмечает, что при проведении реформы 1864 года уже ставилась задача сохранения «разумной быстроты»

уголовного судопроизводства наряду с соблюдением равенства прав сторон [\[5, с. 33\]](#). Потому нельзя сказать, что имплементация в отечественное законодательство требований о разумности сроков производства по уголовным делам носила новаторский характер, поскольку аналогичные правила уже к тому моменту исторически сложились, были встроены в саму "ткань" кодифицированного источника, охватывались содержанием других принципов.

В настоящем исследовании преследуется цель выявления исторически сложившейся модели правового регулирования сроков уголовного судопроизводства, ее самодостаточности в виде регулятивных приемов на отдельных этапах и в отдельных следственных, судебных и процессуальных действиях.

Методы исследования

Исследование основано на общенаучных и частно-научных методах познания. Благодаря применению общелогических правил выполнения мыслительных операций удалось проанализировать большой объем информационных и научных источников по выбранной теме и синтезировать знание об эволюции уголовно-процессуальных отношений, складывающихся по поводу определения сроков производства. Метод сравнительно-исторического правоведения позволил сформулировать вывод о приверженности законодательной традиции разделения принципов-идей и конкретных правил производства предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Результаты исследования

В положениях ст. 36 Судебника 1497 года применялся термин «не волокитно», то есть без излишнего промедления, относительно времени производства судебных процедур [\[8, с. 39\]](#). Требования, предъявляемые к скорости осуществления судебного разбирательства, были обусловлены недопустимостью несения лицами, участвующими в деле, дополнительных процессуальных и материальных издержек. Аналогичное положение закреплялось в норме ст. 72 Судебника 1550 года [\[8, с. 47\]](#). Уже на данном этапе исторического развития отечественный законодатель осознавал негативные последствия чрезмерной длительности процесса, а потому внедрял специальные отдельные правила.

В ст. 15, 22, 24 Главы 10 Соборного Уложения 1649 года правовая категория разумного срока уголовного судопроизводства получила более подробную правовую регламентацию [\[8, с. 58-60\]](#). Она характеризовалась двумя основными аспектами. Во-первых, на судью была возложена общая обязанность вести судебное разбирательство «без волокитно». Во-вторых, если судья, руководствуясь личными или корыстными побуждениями, намеренно создавал ситуацию, в которой рассмотрение дела затягивалось или участники процесса несли дополнительные убытки, то он привлекался к ответственности в порядке, определенном «государем» (царем).

Интерес представляет то, какие нормотворческие и правоприменительные приемы применялись в целях ускорения судебного разбирательства в разные исторические периоды. Так, например, Именным указом от 21 февраля 1697 г. были отменены очные ставки в судных делах [\[8, с. 148\]](#). В преамбуле к Указу содержится пояснение о том, что применяемые в рамках состязательного процесса способы доказывания приводят к напрасной судебной волоките, убыткам и разорениям, в силу неправды и лукавства, то есть использования сторонами различных ухищрений, необоснованно затягивавших

судебное разбирательство.

Отметим, что для данного исторического периода было характерно сохранение некоторых древнерусских традиций состязательного уголовного процесса, связанных с самостоятельным представлением сторонами суду доказательств, свидетельствующих в пользу их позиции. Законодатель, расценивая такую модель судебного разбирательства как неэффективную, утвердился в выводе о необходимости замены состязательного процесса инквизиционным.

В период правления Императора Петра I был принят ряд других правовых мер, направленных на ускорение судебного разбирательства. К их числу следует относить:

- установление предельных сроков судопроизводства;
- установление ответственности свидетелей за уклонение от явки в суд;
- установление правовых основ института заочного судебного разбирательства [\[9, с. 19\]](#).

Впоследствии предпринимались и иные попытки законодательной борьбы с чрезмерной длительностью судебных процессов. Однако, следует согласиться с позицией Д. Г. Рожкова, который говорит о том, что вплоть до Судебной реформы 1864 года уголовное судопроизводство оставалось крайне медлительным [\[10, с. 273\]](#).

С принятием Устава уголовного судопроизводства [\[11\]](#) (далее – Устав), было упразднено правило о предельном времени длительности уголовного процесса. Но, между тем, системный анализ отдельных положений указанного правового документа свидетельствует о том, что законодатель стремился к достижению наиболее быстрого, но при этом эффективного расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел:

- установлена материальная ответственность свидетеля, который не явился в суд в назначенный срок при отсутствии уважительных причин (ст. 69 Устава);
- отсутствие уважительной причины неявки стороны к мировому судье после отложения рассмотрения дела для предоставления дополнительных доказательств предполагало возложение на нее судебных издержек, понесенных добросовестной стороной (ст. 73-75 Устава);
- неявка обвиняемого в проступке к мировому судье выступала основанием для реализации мировым судьей права на вынесение заочного приговора (ст. 133 Устава).

Особое внимание следует уделить вопросу допустимости подачи частных жалоб отдельно от отзывов на приговоры в случае медлительности производства (ч. 1 ст. 152 Устава). При таких обстоятельствах мировой судья, рассматривавший уголовное дело, давал объяснение перед съездом мировых судей не позднее, чем через три дня с момента получения жалобы.

Вопросам разумности срока уголовного судопроизводства посвящены также отдельные нормы Учреждения судебных установлений 1864 года (далее – Учреждение) [\[12, с. 128\]](#). В соответствии с Главой 3 Учреждения, судебные установления и лица прокурорского надзора ежегодно направляли в Министерство юстиции отчеты по судебному ведомству. В соответствии со ст. 181 Учреждения, в таких отчетах должны были быть обозначены причины, обусловливающие замедление рассмотрения дел. Кроме того, в соответствии со ст. 255 Учреждения, к полномочиям министра юстиции относилось право на

пресечение медленности процессов. В случае обнаружения подобного в каком-либо судебном установлении, министр юстиции обязывал председателя представить ему соответствующие объяснения. Если причинами медленности движения дел выступали нарушения, допущенные самим судебным установлением, то в порядке ст. 258 Учреждения министр юстиции был вправе возбудить дисциплинарное производство. В отношении начала каждого следствия прокурором докладывалось в течение трех дней министру юстиции по установленной форме (ст. 296.1 Устава в редакции от 1909 г.) [\[7. с. 90\]](#).

Указанное свидетельствует о том, что уже в нормах дореволюционного законодательства прослеживается формирование правового осмысления необходимости соблюдения разумности сроков уголовного судопроизводства. В силу специфики юридической техники, применяемой законодателем в данный исторический период, говорить о сформированности исследуемой правовой категории, безусловно, не приходится.

В период правления советской власти кардинального изменения в модели правового регулирования разумного срока уголовного судопроизводства не произошло. Выявить его содержание возможно только в смысловом контексте, посредством анализа правовых норм, закрепляющих механизмы недопущения затягивания процессуальных процедур. Так, в ст. 87-92 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года (постановление ВЦИК от 25.05.1922г., далее – УПК РСФСР 1922 г.) впервые устанавливались общие положения об исчислении и порядке восстановления процессуальных сроков.

Применительно к подавляющему большинству стадий уголовного судопроизводства и отдельным процессуальным действиям устанавливались предельные сроки их осуществления. Например, максимальный срок производства дознания составлял один месяц (ст. 107 УПК РСФСР 1922 г.), а максимальный срок производства предварительного следствия составлял два месяца со дня объявления подозреваемому постановления о привлечении его в качестве обвиняемого (ст. 119 УПК РСФСР 1922 г.).

В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в редакции 1923 года (постановление ВЦИК от 15.02.1923г., далее – УПК РСФСР 1923 г.) при невозможности окончания предварительного следствия в срок два месяца следователь был обязан обосновать перед прокурором причины такой задержки (ст. 116 УПК РСФСР 1923 г.). Как и ранее, осуществление производства по уголовному делу в народном суде предельным сроком не ограничивалось.

В свете принятия Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР 27 октября 1960 г. (далее – УПК РСФСР) одной из основных задач уголовного судопроизводства стало его ускорение через быстроту раскрытия преступления, что нормативно закрепилось в положениях статьи третьей действовавшего на ту пору законодательства РСФСР. Постановка указанной задачи обусловила применение законодателем корреспондирующих юридических конструкций, характеризующих длительность уголовного процесса. Так, в ст. 44 УПК РСФСР применяется формулировка «в целях наиболее быстрого, полного и объективного рассмотрения дела», а в ст. 132 УПК РСФСР «в целях обеспечения наибольшей быстроты расследования». В числе иных правовых установлений, позволяющих контекстуально выявить смысловое содержание рассматриваемого элемента процессуальной формы, следует выделить:

- решение по заявлениям и сообщениям о преступлении принималось уполномоченным должностным лицом в срок, не превышающий трех суток, а в исключительных случаях –

десяти суток (ст. 109 УПК РСФСР);

- оптимальные сроки дознания (не свыше десяти суток при дальнейшем проведении предварительного следствия в обязательном порядке) и следствия (не более одного месяца в соответствии со ст. 121 УПК РСФСР);
- предельный срок осуществления предварительного следствия по общему правилу составлял два месяца (ст. 133 УПК РСФСР);
- устанавливались основания и сроки приостановления предварительного следствия (ст. 195 УПК РСФСР);
- обязанность вынесения судебного постановления о предании обвиняемого суду в течение 14 суток с момента поступления материалов уголовного дела в суд (статья 239 УПК РСФСР).

Постановка задачи уголовного судопроизводства как быстрого и полного раскрытия преступлений опосредовала по М. С. Стrogовичу достижение главной цели – установление фактических обстоятельств по делу, то есть объективной истины. При этом требование эффективности процессуальных средств в достижении указанной цели подчас способно привести к чрезмерной процессуальной экономии, упростительству процессуальной формы, ограничению правовых гарантий участников производства по уголовному делу. А, значит, во «главу угла» развития уголовно-процессуального права должно быть положено соответствие процессуальных средств основной цели [\[13, с. 137\]](#).

К моменту указанного измышления великого ученого-процессуалиста советской науки в общемировой практике уже получили распространение нормы международных документов о правах человека, в том числе в области уголовной юрисдикции. Поэтому, думается, что теория уголовного процесса стала «напитываться» общемировыми тенденциями применения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 в Риме 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция) и ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, и ратифицированного указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII с заявлением (далее – Пакт). При этом отечественная наука была более прогрессивна и дальновидна. Ведь прямое толкование указанных международных источников дает нам понимание того, что категория разумности применима к судебным процедурам, однако не охватывает и не способна охватить в абсолюте все уголовно-процессуальные отношения.

В современный период становления уголовно-процессуального права, наступивший после распада Советского Союза и признания независимости Российской Федерации, законодательное признание разумного срока уголовного судопроизводства выявляется через конституционные предписания того периода времени (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) и официальную ратификацию Конвенции в 1998 году. Соответственно, до момента введения Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ в УПК РФ ст. 6.1, разумный срок уголовного судопроизводства рассматривался в качестве составного элемента фундаментального принципа правосудия – права на справедливое судебное разбирательство, имплементированного в российскую правовую систему [\[14, 15\]](#), или как самостоятельный принцип процессуальной экономии [\[16\]](#), или как средство регулирования уголовно-процессуальной деятельности, обеспечения правомочий участников производства по уголовным делам [\[17\]](#). Отметим, что именно в таком свете исследуемая правовая категория изучалась в положениях уголовно-процессуальной

доктрины до 2010 года.

Главной причиной к правовому оформлению стало не только стремление нашего государства соответствовать высоким мировым стандартам. Ведь, как было отмечено выше, эти стандарты, – а именно: разумности, быстроты, полноты и справедливости, как важные маркеры отнюдь не карательного типа развития уголовного судопроизводства, а восстановительного, – были фактически характерны большей части советского и досоветского периодов. Причиной нормотворческой надстройки над системой принципов уголовного процесса в Главе второй УПК РФ в виде указания на некую специальную «разумность» выступила прецедентная практика Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), выявившая «отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты лиц». Ярким примером тому является Дело «Бурдов (Bursov) против России» (постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г. по жалобе № 33509/04). Целью данной статьи не охватывается необходимость подробного исследования содержания данного постановления или других ему аналогичных. Констатируем лишь тот факт, что критический анализ европейской судебной практики в отношении Российской Федерации показывает явную и чрезмерную политизированную антироссийскую позицию относительно качества отечественных уголовно-правовых процедур. Примечательным является наличие внутригосударственного судебного органа, способного не только внести правовую определенность по рассматриваемому вопросу, но свидетельствует о более ранней по времени озвученной позиции. Речь к примеру, идет о постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова», которым была отмечена необходимость институционального закрепления возмещения вреда, причиненного действиям или бездействием органов государственной власти в ходе любого вида отечественного судопроизводства. Но все же следует констатировать факт того, что именно обязание, выраженное в постановлении Европейского суда по правам человека по делу Бурдова против Российской Федерации, поставило точку в разрешении вопроса о легализации механизмов компенсации вреда, причиненного гражданам длительностью рассмотрения уголовных дел судами и неоправданного затягивания сроков. Таким образом, случилась довольно успешная конвергенция в отечественный уголовный процесс международных инструментов прецедентного права.

В 2016 году Верховным Судом РФ дано разъяснение нижестоящим судам о неотчуждаемости права на компенсацию за нарушение сроков уголовного процесса (постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 29.03.2016г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»). Предусмотренный порядок компенсации по своей юридической природе является административным, гражданско-правовым. Вопрос об ускорении рассмотрения уголовного дела в суде разрешается председателем суда уголовно-процессуальными методами, как бы обратное не утверждалось в самом постановлении (п. 23), а также в отдельных исследованиях [\[18, с. 44\]](#). Однако критерии и пределы такого контроля председателем суда сроков судебного рассмотрения законодатель не определил и оставил на усмотрение непоименованного субъекта процессуального права, что есть само по себе нарушение ряда принципов: законности (ст. 7 УПК РФ), осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ), независимости судей (ст. 8.1 УПК РФ).

Если полагать, что ожидаемым эффективным результатом конвергенции международных норм о соблюдении разумности сроков было смешение уголовного, административного и внепроцессуального порядков производства, то эта программа по «запутыванию клубка» юридических норм успешно реализована. Гражданину, чьи права нарушены неоправданным затягиванием сроков производства, достаточно сложно разобраться с порядком компенсации, бесплатного юридического сопровождения не организовано, «автоматически» председатель суда в стадиях судебного разбирательства, прокурор и руководитель следственного органа на этапе досудебного производства соответствующими полномочиями не наделены. Вопиющие случаи, требующие «включения» конвергированного в отечественную уголовно-процессуальную практику международного механизма, носят единичный характер. Так, в Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации приведен пример с 15-летним расследованием и судебным рассмотрением уголовного дела в отношении гр. М. В отношении обвиняемой в 2021 году вынесен обвинительный приговор с назначением наказания в виде лишения свободы на срок 5 лет, который она фактически отбыла в изоляции от общества в период уголовного преследования [\[19, с. 226\]](#).

Заключение

Подводя итог данному исследованию, отметим, что фактическое признание недопустимости судебной волокиты и чрезмерной длительности уголовного преследования были предметом обжалования и жесткого контроля во все исторические периоды развития уголовно-процессуальной деятельности. Основным отечественным пресекательным инструментом воздействия на правоприменителя являлось установление предельных сроков производства следственных процессуальных действий, принятия решений. Административные инструменты организационно-распорядительного характера также имели место быть как в эпоху правления Петра Первого, так и в период действия Уставов Уголовного Судопроизводства 1864 года, однако, как верно отмечается в юридической литературе [\[20, с. 33\]](#), их эффективность слаба и вступает в противоречие с процессуальной независимостью субъекта доказывания. Не стоит игнорировать исторические уроки и обременять и без того сложную процессуальную деятельность дополнительными механизмами, содержание которых уже подразумевается в устоявшейся системе принципов. Решение проблемы затягивания сроков досудебного производства может быть, на наш взгляд, в снижении нагрузки следователей по расследованию преступлений средней тяжести, сосредоточения их усилий на наиболее опасных преступлениях. В этой части мы полностью согласны с формами ускорения досудебного производства, предлагаемыми некоторыми учеными [\[21, с. 120\]](#).

В части ускорения судебного рассмотрения, необходимо предпринять следующие меры процессуального характера:

- актуализировать и сократить сроки поступления уголовного дела в суд;
- назначить предельные сроки рассмотрения дел о преступлениях небольшой и средней тяжести;
- отказаться от повсеместной практики возвращения уголовных дел для устранения препятствий в порядке ст. 237 УПК РФ;
- пересмотреть возможность отказа обвиняемого от постановления приговора без проведения судебного разбирательства в связи с его согласием с предъявленным обвинением в ходе предварительного слушания.

Подобные и иные меры в совокупности с имеющимися требованиями в действующем уголовно-процессуальном законодательстве вполне способны обеспечить разумность соблюдения сроков, равно как и реализацию системы принципов российского судопроизводства без каких-бы то ни было уточнений оценочной категории «разумности» в российском законодательстве.

Библиография

1. Поляков, М. П. Корректируемая законность как принцип уголовного процесса / М. П. Поляков // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 473-476.
2. Кушнерев, В. И. Некоторые вопросы реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства в нормах о процессуальных сроках стадии возбуждения уголовного дела / В. И. Кушнерев // Наука и новация: современные проблемы теории и практики права: сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV Международного Фестиваля науки, Москва, 20–21 февраля 2019 года. – Москва: Московский государственный областной университет, 2019. – С. 168-170.
3. Кушнерев, В. И. Структура нормы-принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» в российском праве / В. И. Кушнерев // Академическая мысль. – 2018. – № 1(2). – С. 115-118.
4. Урывкова, А. Е. Некоторые проблемы правового регулирования процессуальных сроков в стадии возбуждения уголовного дела / А. Е. Урывкова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 2, № 4 (100). – С. 120-133. – DOI: 10.51965/2076-7919_2021_2_4_120
5. Родионова, Ю. В. Особенности исчисления процессуальных сроков на стадии возбуждения уголовного дела / Ю. В. Родионова, Е. А. Курнышева // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2015. – № 4 (10). – С. 129-132.
6. Стуконог, И. В. Сравнительный анализ регламентации процессуальных сроков по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и УПК России / И. В. Стуконог // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1 (50). – С. 168-174.
7. Ростова, В. Н. Процессуальная регламентация начала уголовного процесса согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 года / В. Н. Ростова // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник статей по материалам XVI международной научно-практической конференции. Том № 11 (15): Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2018. – С. 86-92.
8. Титов, Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России: учебное пособие / Ю.П. Титов. – Москва: Проспект, 1997. – 472 с.
9. Волынец, К. И. Исторические предпосылки появления положения о разумном сроке уголовного судопроизводства в российском праве / К.И. Волынец // Вестн. Том. гос. ун-та. – Право. – 2012. – № 3 (5). – С. 18-24.
10. Рожков, Д. Г. Истоки появления категории «Разумный срок» в уголовном процессе России / Д.Г. Рожков // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2012. – № 3 (32). – С. 273-276.
11. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года: текст. – Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 646 с.
12. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 3. – Санкт-Петербург: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1867. – 213 с.
13. Стrogович, М.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / М.С. Стrogович, П.С. Элькинд // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1976. – № 4. – С. 135-137.
14. Баранова, М. А. Разумный срок уголовного судопроизводства как принцип осуществления процессуальной деятельности / М. А. Баранова // Вестник Саратовской

- государственной академии права. – 2010. – № 6 (76). – С. 52-55.
15. Апостолова, Н. Н. Разумный срок уголовного судопроизводства / Н. Н. Апостолова // Российской юстиции. – 2010. – № 9. – С. 63-66.
16. Смолин, А. Ю. Разумный срок уголовного судопроизводства-проявление принципа процессуальной экономии / А. Ю. Смолин // Российский следователь. – 2010. – № 19. – С. 9-11.
17. Петрова, Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности: монография / Г. Б. Петрова; под ред. В. М. Корнукова. – Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2006. – 182 с.
18. Королева, Е. В. Обращение к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела / Е. В. Королева // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 1. – С. 43-47. – DOI: 10.34076/2410_2709_2021_1_43.
19. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – Режим доступа: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/14493f2b-4975-49d0-86dd-c9ac917436fe/0447a931-4bc9-4ceb-ae92-b32f8d741412.pdf>.
20. Мазюк, Р. В. Процессуальные действия председателя суда для ускорения рассмотрения дела в уголовном судопроизводстве / Р. В. Мазюк, В. С. Логачева // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 4(12). – С. 24-34.
21. Качалова, О. В. Ускоренное досудебное производство в российском уголовном процессе: формирование оптимальных моделей / О. В. Качалова, В. М. Герасенков // Правосудие. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 103-121. – DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.103-121

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема разумности сроков уголовного судопроизводства. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования раскрыта: "Исследование основано на общенаучных и частно-научных методах познания. Благодаря применению общелогических правил выполнения мыслительных операций удалось проанализировать большой объем информационных и научных источников по выбранной теме и синтезировать знание об эволюции уголовно-процессуальных отношений, складывающихся по поводу определения сроков производства. Метод сравнительно-исторического правоведения позволил сформулировать вывод о приверженности законодательной традиции разделения принципов-идей и конкретных правил производства предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Значение принципов уголовного судопроизводства - в их системном влиянии на построение уголовно-процессуальных отношений с момента начала уголовного преследования и до окончания исполнения приговора для всех участников производства по делу. Это идейные руководящие начала для осуществления процессуальных и следственных действий, принятия решений, процесса доказывания и применения мер принуждения. Система принципов уголовного процесса должна быть

константой, инструментом непоколебимости формы, порядка производства. Однако с момента принятия в 2001 году Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), наблюдается совершенно иная история: массовые изменения и корректировки, договорные процедуры, конфиденциальные следственные действия и участники, сложные пути обжалования судебных решений, чуждые принципы построения процессуальной деятельности, – изменения ради «разрешения конкретного казуса» [1, с. 475]. Что и произошло 30 апреля 2010 г. в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ) и с появлением надстроичного принципа над всей системой – «разумности сроков уголовного судопроизводства» (ст. 6.1 УПК РФ). Следует согласиться с мнением ученых, которые указывают, что отсутствие в нормах УПК РФ до 2010 года и в предыдущих Кодексах регламентации сроков уголовного судопроизводства в отдельном принципе не означало непризнание необходимости соблюдения сроков в процессе производства по уголовному делу [2, 3, 4, 5, 6, 7]. И.В. Стуконог отмечает, что при проведении реформы 1864 года уже ставилась задача сохранения «разумной быстроты» уголовного судопроизводства наряду с соблюдением равенства прав сторон [5, с. 33]. Потому нельзя сказать, что имплементация в отечественное законодательство требований о разумности сроков производства по уголовным делам носило новаторский характер, поскольку таковые правила уже имели место быть достаточно давно".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора: "Указанное свидетельствует о том, что уже в нормах дореволюционного законодательства прослеживается формирование правового осмысления необходимости соблюдения разумности сроков уголовного судопроизводства. В силу специфики юридической техники, применяемой законодателем в данный исторический период, говорить о сформированности исследуемой правовой категории, безусловно, не приходится"; "К моменту указанного измышления великого ученого-процессуалиста советской науки в общемировой практике уже получили распространение нормы международных документов о правах человека, в том числе в области уголовной юрисдикции. Поэтому, думается, что теория уголовного процесса стала «напитываться» общемировыми тенденциями применения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 в Риме 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция) и ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 16 декабря 1966г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, и ратифицированного указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973г. № 4812-VIII с заявлением (далее – Пакт). При этом отечественная наука была более прогрессивна и дальновидна. Ведь прямое толкование указанных международных источников дает нам понимание того, что категория разумности применима к судебным процедурам, однако не охватывает и не способна охватить в абсолюте все уголовно-процессуальные отношения"; "Если полагать, что ожидаемым эффективным результатом конвергенции международных норм о соблюдении разумности сроков было смешение уголовного, административного и внепроцессуального порядков производства, то эта программа по «запутыванию клубка» юридических норм успешно реализована. Гражданину, чьи права нарушены неоправданным затягиванием сроков производства, достаточно сложно разобраться с порядком компенсации, бесплатного юридического сопровождения не организовано, «автоматически» председатель суда в стадиях судебного разбирательства, прокурор и руководитель следственного органа на этапе досудебного производства соответствующими полномочиями не наделены" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки

и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор выявляет исторически сложившиеся модели правового регулирования сроков уголовного судопроизводства в России и определяет их значение. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Потому нельзя сказать, что имплементация в отечественное законодательство требований о разумности сроков производства по уголовным делам носило новаторский характер, поскольку таковые правила уже имели место быть достаточно давно" - "Потому нельзя сказать, что имплементация в отечественное законодательство требований о разумности сроков производства по уголовным делам носила новаторский характер, поскольку таковые правила уже имели место достаточно давно" (орфографическая и стилистическая ошибки).

Ученый отмечает: "Интерес представляет, то, какие нормотворческие и правоприменительные приемы применялись в целях ускорения судебного разбирательства в разные исторические периоды" - первая запятая является лишней.

Автор указывает: "Постановка указанной задачи, обусловила применение законодателем корреспондирующих юридических конструкций, характеризующих длительность уголовного процесса" - первая запятая является лишней.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 21 источником (монографией, научными статьями, учебным пособием, аналитическими материалами). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Е. В. Королева и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("... фактическое признание недопустимости судебной волокиты и чрезмерной длительности уголовного преследования были предметом обжалования и жесткого контроля во все исторические периоды развития уголовно-процессуальной деятельности. Основным отечественным пресекательным инструментом воздействия на правоприменителя являлось установление предельных сроков производства следственных процессуальных действий, принятия решений. Административные инструменты организационно-распорядительного характера также имели место быть как в эпоху правления Петра Первого, так и в период действия Уставов Уголовного Судопроизводства 1864 года, однако, как верно отмечается в юридической литературе [20, с. 33], их эффективность слаба и вступает в противоречие с процессуальной независимостью субъекта доказывания. Не стоит игнорировать исторические уроки и обременять и без того сложную процессуальную деятельность дополнительными механизмами, содержание которых уже подразумевается в устоявшейся системе принципов. Решение проблемы затягивания сроков досудебного производства может быть, на наш взгляд, в снижении нагрузки следователей по расследованию преступлений средней тяжести, сосредоточения их усилий на наиболее опасных преступлениях. В этой части мы полностью согласны с формами ускорения досудебного производства, предлагаемыми некоторыми учеными [21, с. 120]. В части

ускорения судебного рассмотрения, необходимо предпринять следующие меры процессуального характера: - актуализировать и сократить сроки поступления уголовного дела в суд; - назначить предельные сроки рассмотрения дел о преступлениях небольшой и средней тяжести; - отказаться от повсеместной практики возвращения уголовных дел для устранения препятствий в порядке ст. 237 УПК РФ; - пересмотреть возможность отказа обвиняемого от постановления приговора без проведения судебного разбирательства в связи с его согласием с предъявленным обвинением в ходе предварительного слушания. Подобные и иные меры в совокупности с имеющимися требованиями в действующем уголовно-процессуальном законодательстве вполне способны обеспечить разумность соблюдения сроков, равно как и реализацию системы принципов российского судопроизводства без каких-бы то ни было уточнений оценочной категории «разумности» в российском законодательстве"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного процесса при условии ее небольшой доработки: устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Разумность сроков уголовного судопроизводства - частный случай неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам установления разумных сроков уголовного судопроизводства. Автором рецензируемой статьи на основе анализа исторического опыта рассматривается проблема необходимости установления разумных сроков уголовного судопроизводства. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, исторические документы и правовые источники, нормы действующего законодательства, материалы судебной практики, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «В настоящем исследовании преследуется цель выявления исторически сложившейся модели правового регулирования сроков уголовного судопроизводства, ее самодостаточности в виде регулятивных приемов на отдельных этапах и в отдельных следственных, судебных и процессуальных действиях». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В статье указано, что «Исследование основано на общенаучных и частно-научных методах познания. Благодаря применению общелогических правил выполнения мыслительных операций удалось проанализировать большой объем информационных и научных источников по выбранной теме и синтезировать знание об эволюции уголовно-процессуальных отношений, складывающихся по поводу определения сроков производства. Метод сравнительно-исторического правоведения позволил сформулировать вывод о приверженности законодательной традиции разделения принципов-идей и конкретных правил производства предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «с момента принятия в 2001 году Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), наблюдается совершенно иная история: массовые изменения и корректировки, договорные процедуры, конфиденциальные следственные действия и участники, сложные пути обжалования судебных решений, чуждые принципы построения процессуальной деятельности, – изменения ради «разрешения конкретного казуса» [1, с. 475]. Что и произошло 30 апреля 2010 г. в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ) и с появлением надстроичного принципа над всей системой – «разумности сроков уголовного судопроизводства» (ст. 6.1 УПК РФ)».

Следует также положительно оценить использование автором рецензируемой статьи примеров из судебной практики. В частности, отметим следующий авторский вывод: «В 2016 году Верховным Судом РФ дано разъяснение нижестоящим судам о неотчуждаемости права на компенсацию за нарушение сроков уголовного процесса (постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 29.03.2016г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема установления разумных сроков уголовного судопроизводства сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором статьи в том, что «Значение принципов уголовного судопроизводства – в их системном влиянии на построение уголовно-процессуальных отношений с момента начала уголовного преследования и до окончания исполнения приговора для всех участников производства по делу. Это идейные руководящие начала для осуществления процессуальных и следственных действий, принятия решений, процесса доказывания и применения мер принуждения. Система принципов уголовного процесса должна быть константой, инструментом непоколебимости формы, порядка производства».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.
Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «фактическое признание недопустимости судебной волокиты и чрезмерной длительности уголовного преследования были предметом обжалования и жесткого контроля во все исторические периоды развития уголовно-процессуальной деятельности. Основным отечественным пресекательным инструментом воздействия на правоприменителя являлось установление предельных сроков производства следственных процессуальных

действий, принятия решений. Административные инструменты организационно-распорядительного характера также имели место быть как в эпоху правления Петра Первого, так и в период действия Уставов Уголовного Судопроизводства 1864 года, однако, как верно отмечается в юридической литературе [20, с. 33], их эффективность слаба и вступает в противоречие с процессуальной независимостью субъекта доказывания. Не стоит игнорировать исторические уроки и обременять и без того сложную процессуальную деятельность дополнительными механизмами, содержание которых уже подразумевается в устоявшейся системе принципов. Решение проблемы затягивания сроков досудебного производства может быть, на наш взгляд, в снижении нагрузки следователей по расследованию преступлений средней тяжести, сосредоточения их усилий на наиболее опасных преступлениях. В этой части мы полностью согласны с формами ускорения досудебного производства, предлагаемыми некоторыми учеными [21, с. 120]».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«В части ускорения судебного рассмотрения, необходимо предпринять следующие меры процессуального характера: - актуализировать и сократить сроки поступления уголовного дела в суд; - назначить предельные сроки рассмотрения дел о преступлениях небольшой и средней тяжести; - отказаться от повсеместной практики возвращения уголовных дел для устранения препятствий в порядке ст. 237 УПК РФ; - пересмотреть возможность отказа обвиняемого от постановления приговора без проведения судебного разбирательства в связи с его согласием с предъявленным обвинением в ходе предварительного слушания».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с уголовным процессом.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Кушнерев В.И., Мазюк Р.В., Поляков М.П., Родионова Ю.В., Ростова В.Н. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области уголовного процесса.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его

мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье проблемам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»